ИРЕСИОНА

АТТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКОГО

II

У МАТЕРИ-ЗЕМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
М. и С. САБАШНИКОВЫХ

ИРЕСИОНА

АТТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Ф. Ф. Зелинского

II

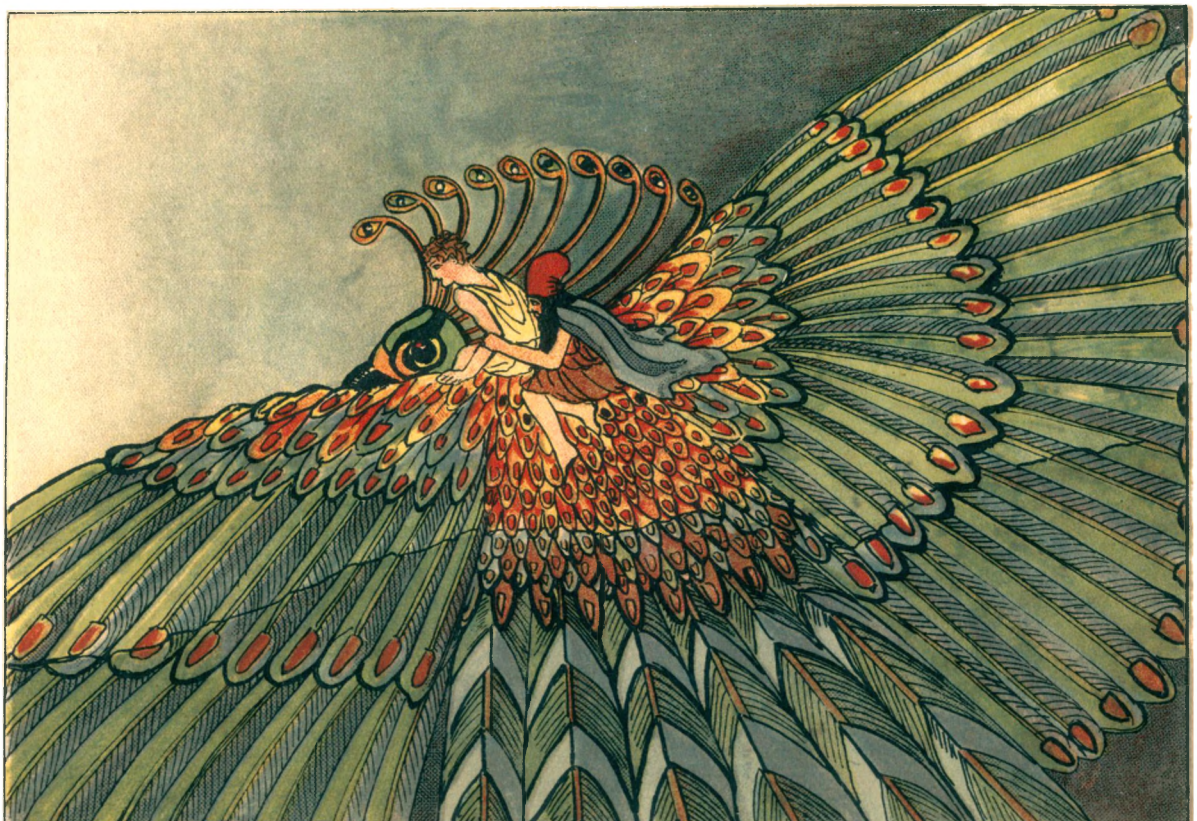
У МАТЕРИ-ЗЕМЛИ

ПЕТЕРБУРГ
1921

Обложка работы художника А. Н. Лео; иллюстрации, заставка, инициалы и концовка рисованы худож. Н. А. Энман под руководством Ф. Ф. Зелинского

Отпечатано
в 15-й Государственной типографии
(б. Голике и Вильборг)
под наблюдением В. И. Анисимова

Р. В. Ц.
Отпечатано в количестве 4000 экз.



I

Для путника, отправлявшегося из Анафлиста через южную кайму Месогии к Форику на Архипелаге, обязателен был привал в убогом местечке Бесе, затерявшемся среди лабиринта Лаврийских гор. Была это довольно безотрадная местность: известковые скалы повсюду белели из под тонкого налета чернозема, покрытого чахлой растительностью; местами взор отдыхал на сосновых рощах, но и их было немного, и близкий к поверхности кряж бесплодного известняка не сулил долгой жизни их бледным дриадам. Конечно, что̀ вообще могло сделать аттическое трудолюбие для поднятия производительности почвы, то было сделано и здесь: влажные воронки были наполнены белосоватой землей, дававшей своему владельцу скромный урожай ячменя — о пшенице нечего было и думать; иногда посредине такой нероскошной нивы выростала маслина или смоковница, оберегавшая ее своей листвой. Только это и радовало душу; дорогого эллинскому сердцу моря не было видно ни на востоке, ни на западе — и понятно, что путник торопился проме-

нять невеселую Бесу на одну из приморских жемчужин своей благодатной земли.

Бедность, всегдашняя суровая пестунья бесейских селян, особенно жестоко их донимала в годины бесправия. Туго им жилось при Метионидах; деятельный царь Паллант завел сразу лучшие порядки, и Беса стала заметно поправляться подобно Месогии и прочей загиметтской Аттике. Но это была лишь кратковременная передышка. Паллант был честолюбив и жаден; его соблазнял богатый жребий его старшего брата Эгея, получившего обе самые плодородные равнины Аттики, афинскую и элевсинскую, и в придачу еще марафонское Четырехградие с его выходом к Архипелагу и Евбее. Считая Эгея бездетным, он не отказывался от надежды получить после его смерти все эти земли, тем более, что разгневанная на Эгея Афродита наградила его большим выводком сильных и смелых сыновей. Подросли Паллантиды — и жителям загиметтской Аттики пришлось хуже, чем когда либо раньше: явным стремлением молодых властителей было обратить всю землю в свою собственность, а поселян — отчасти в фермеров, отчасти в крепостных.

Туго жилось всем, но вряд ли кому туже, чем старому Менедему и его тоже старой жене Иодике. Своего сына они потеряли вскоре после его свадьбы; его смерть свела в могилу и бедную новобрачную, и старики остались одни в осиротелом хуторе с малюткой-внучком на руках, которому они на память о своем горе дали грустное имя Акаста. Только ради него и решились они тянуть дальше свою многотрудную и безрадостную жизнь: «авось сбережем ему его отцовский надел — и будет кому ухаживать за душами его родителей и дедов».

И казалось, что боги наконец переложили на милость свой долгий гнев: Акаст рос на редкость пре-

красным, здоровым, умным и добрым мальчиком. Но едва успел он настолько окрепнуть, чтобы оказывать своим дедам существенную помощь, как начались притеснения со стороны Паллантидов, — точнее говоря, со стороны одного из них, Полифонта, которого стареющий царь назначил правителем Бесы. Средства притеснения были старые, испытанные, сослужившие свою службу нераз и впоследствии. Выдался неурожайный год — получай зерно на обсеменение и пропитание под залог земли. Не возвратил в срок — становись фермером. Новая беда — получай необходимое «под залог тела». Не возвратил в срок — становись рабом.

И вот однажды вечером Менедем вернулся домой в отчаянии. «Все кончено: последнее достояние отнято, свобода потеряна. Нас, стариков, Полифонт оставляет на нашей земле рабами своего управляющего; за Акастом завтра утром пришлют, чтобы увести его в Форик и продать приезжему финикийскому купцу».

II

Воцарилась тишина, изредка прерываемая рыданиями старой Иодики. Наконец поднял голову Акаст; не слезы, а гнев сверкал в его глазах.

— Я им не сдамся! Так они и видели меня рабом! Уйду, сейчас же уйду!

— Куда и уходить то? В Анафлист, в Суний, в Форик, в Месогию? Везде там Паллантиды сидят, живо тебя поймают и доставят обратно — еще, как беглого раба, побоями накажут и в кандалы закуют.

— Уйду через Месогию и Гиметт к доброму царю Эгею!

— Ох, нет, дорогой мой, там тебе грозит другая опасность. О Минотавре слыхал?

— Кто о нем не слыхал!

— И знаешь, стало быть, как царь Эгей стал данником этого чудовища. Теперь как раз там собирается дань — семь отроков и семь девушек, все в твоем возрасте. Попадешь в руки к людям царя Эгея — они тебя первым делом в седьмицу отроков зачислят, чтобы вызволить кого либо из своих.

Акаст промолчал несколько минут.

— Бабушка! — сказал он жалобно — да где же Правда?

— У бессмертных богов, мой родной; среди людей ее нет более с тех пор, как...

— С тех пор, как что?

— Эх, мой ненаглядный, к чему старые сказания вспоминать? Все равно былого не вернешь. Лучше

поплачем вместе, пока нас не разлучили; всетаки легче станет на душе.

— Нет, бабутка, слезами тоже не поможешь горю. Ты лучше расскажи мне, как и отчего Правда покинула человеческий род, чтобы этот рассказ остался мне на память о тебе.

— Ну, слушай тогда; я тебе скажу, что сама от своей бабушки слытала. Было время, — но это было давно, очень давно — когда люди были еще настоящими детьми своей матери-Земли. Жили они тогда, как поныне птицы небесные, без забот, без труда: мать-Земля их сама и кормила, и поила, и одевала. Не приходилось плугом вспахивать почву, взращивать маслины или виноградные лозы; она, благодатная, все сама доставляла. И ничего друг у друга не отнимали; да и к чему, когда всем всего было вдоволь? И боги жили тогда среди людей, и божья Правда с ними. Те были бессмертны, люди — нет, но все же и они жили много долее теперешнего, по нескольку сот лет, и притом без болезней и печалей. А придет конец — умирал человек незаметно, тихо погружаясь в глубокий, беспробудный сон. Это внучек, были люди золотого века.

— Как же этот век кончился и отчего?

— Пришел к нам однажды дивный муж — или бог, не знаю. Призвал он одного из тогдашних людей — звали его Протанором — и сказал ему: «видишь, что я тебе принес в этом полом тростнике?» И дал ему заглянуть в полость... Нас с тобой он бы этим не удивил, ибо там находился простой раскаленный уголь, но ты должен иметь в виду, что люди тогда еще совсем не знали огня. «Что за красивая блестка!» сказал Протанор. «Это не блестка», ответил пришелец, «а часть небесного огня, которую я для вас тайно похитил; и благодаря ей вы станете господами земли». Ужаснулся Протанор: «Как, господами

Земли? Да ведь она нам мать!» Но пришелец велел ему молчать и из дерна соорудить нечто вроде стола — это был первый алтарь, — а затем покрыть его целым костром сухих дров. Добыв из тростника принесенный уголь, он положил его под дрова — и тотчас костер запылал ярким огнем. Затем он поманил рукой дикую телку, пришедшую посмотреть на невиданное зрелище; она доверчиво приблизилась: звери тогда не боялись людей. Он же ее схватил и внезапно, добытым из за пояса каменным ножем, рассек ей шею. Жалобно замычала она — и горы передали друг другу ее предсмертный крик, и услышала его мать-Земля.

Но Прометей — так звали пришельца — этим не смутился. Он тем же ножем разрезал телку на части и показал Протанору, какие ему следует сжигать в честь богов, а какие зажаривать в собственную пользу; и тогда впервые вкусил человек мясной пищи. Понравилась она ему, и он поблагодарил Прометея-огненосца за его науку.

Но мать-Земля разгневалась на Протанора за то, что он разорвал великий договор между человечеством и природой. Остальных людей золотого века, не причастных к его вине, она скрыла в своих недрах, и они с тех пор и поныне ведут у нее блаженную жизнь, как духи-хранители томящихся на ее поверхности смертных; а Протанор...

— Постой, бабушка, как ты сказала? Как духи-хранители? Значит и у меня есть такой дух-хранитель?

— У каждого человека он есть, внучек. Как только рождается младенец, духи-хранители в недрах земли из за него мечут жребий; кому он достанется, тот его и охраняет до самой смерти.

— Бабушка, да где же мой то? Отчего он не заступается за меня, когда меня обижают?

— Он это часто делает, незаметно для тебя — вмешался тут Меденем. — Помнишь, как ты недавно работал под тополем, и внезапным ударом ветра всю его вершину сорвало? Кто ее тогда подхватил и пронес мимо тебя, так что ты отделался легкой царапиной и испугом? Не иначе, как твой дух-хранитель. Но — продолжал он, таинственно понижая голос — не в этом их главная сила; а в чем, это знают только приобщившиеся элевсинских тайн, этого я тебе теперь сказать не могу. Придет время, ты сам...

Он внезапно оборвал свою речь, вспомнив об участи, угрожавшей его внуку. Нет, уж не увидит его Акаст ни Деметры Элевсинской, ни прочих ласковых богов своей прекрасной родины.

Слезы брызнули у него из глаз. «Продолжай, старуха!» — сказал он, сам на себя сердясь.

— Арктур смотрит с небес, — ответила Иодика. — Пойдем, Акаст, проведи с миром последнюю ночь в доме твоих родителей и дедов. Ты ляжешь, я сяду у твоего изголовья и, как в старину, убаюкаю тебя сказкой.

III

Протанора с семьей мать-Земля не приняла в свое лоно: он продолжал жить на ее поверхности и стал лихим охотником, почитая Артемиду более всех других богов. Нелегко ему было: звери тоже научились бояться и ненавидеть людей, прежний мир между теми и другими кончился. Так то началась полоса труда для несчастных смертных. Пришлось истреблять диких и кровожадных и приручать полезных. Мало по малу потомки Протанора — это были люди серебряного века — успели в том и другом. Тогда охота перестала быть их главным занятием; они окружили себя стадами прирученных коров, овец и коз и стали скотоводами. И жизнь их стала короче, когда мать-Земля отказала им в своей милости, и болезни появились, как последствие новой пищи. Но все же Правда продолжала пребывать среди людей; помня о своем родоначальнике Протаноре, они считали себя как бы одной великой семьей, деления на народы еще не было. И боги охотно спускались к ним и принимали участие в их трапезах.

Но вот шли годы и столетия, людей становилось все больше и больше, стало им тесно на земле. С завистью смотрели одни на богатые пастбища других; стали они считать одних «своими», а других «чужими» «Мы», говорят, «ахейцы»; «а мы — минийцы»; «а мы — куреты». И заметили они, что и говорят уже не по одинаковому: миниец ахейца понимает, да с трудом. А нашлись такие глупцы, что и вовсе отошли

от нашей дивной эллинской речи и стали лопотать богопротивные варварские слова, как вот эти финикияне... Свой своего продолжал любить, но чужих они вместе возненавидели хуже, чем прежде диких зверей. А возненавидев, пошли на них с медным оружием в руках, чтобы силой отнимать у них их стада и пастбища.

Тогда серебряный век прекратился; пошли люди медного века. Много тяжеле стала человеческая жизнь: к труду прибавилась война. Каждый народ жил точно в лагере, вечно боясь набегов со стороны соседей, вечно им угрожая набегом сам. Но все же между собой люди одного народа жили дружно и мирно, и Правда, поэтому, хотя и опечаленная, продолжала пребывать также и среди этого медного племени.

Больше и больше рождалось людей; чаще и кровопролитнее становились их войны. Все народы взывали к Зевсу Побед, чтобы он помог им и дал разбить их врагов; и все были одинаково виноваты, ибо у всех была одна цель — отнять у врагов их стада и пастбища. Закручинился Зевс и подумал: «чем вам, горемычные смертные, острою медью истреблять друг друга, лучше я сразу большинство из вас упокою легкой смертью в объятиях Амфитриты». И стал он сверху лить потоки дождевой воды; и в то же время Посидон своим трезубцем нагнал на сушу волны своей стихии, и старик Океан велел своим дочерям обильно струить пресную влагу из недр земли. Наступил всемирный потоп — мы в Аттике называем его «потопом Огига», фессалийцы — «потопом Девкалиона», другие еще иначе; даже варвары, говорят, помнят о нем и называют его какими то своими местными, противными для нашего уха, кличками. Наша Аттика стала тогда сплошным морем, а ее горы — Гиметт, Пентеликон, Олимп и наш Лаврий — островами в нем. И только те спаслись, которые нахо-

дились на этих горах, немногие из многих; остальные погибли. Таков был конец медного племени.

Когда вода отхлынула и унесла с собой трупы утопленников, спасенным людям стало много легче; конечно, к блаженству золотого века они не вернулись, но могли считать возобновленной трудовую жизнь серебряного. Все же деление на народы осталось; варвары, и те не образумились и не пожелали променять своего бессмысленного тявкания на разумную человеческую речь. А с делением на народы остался и зародыш войн, которые не замедлили возобновиться, когда людям опять стало тесно. Уж хотел отец наш Зевс послать на нас новый потоп, но другие боги упросили его не делать этого и позволить им испытать другие, более кроткие меры. И вот тогда Деметра снизошла к нам и научила нас возделывать поля под пшеницу и другие злаки; Паллада еще раньше показала нам, как из маслины добывать елей; вскоре и Дионис принес нам дар вина. Теперь стало опять свободнее: для нив и других насаждений не требовалось столько места, сколько раньше для пастбищ, чтобы прокормить одно и то же число людей. Но зато не замедлило явиться другое зло. Раньше стадами и пастбищами владели сообща, и только народы с народами из за них воевали; теперь же, когда пришлось сеять и насаждать, каждый гражданин стал считать засеянный и засаженный им участок своей собственностью: «Это», мол, «моя земля». И сбылось слово Прометея: человек стал господином своей матери-Земли.

Тогда из недр разгневанной появился злой дух — Аластор: он научил гражданина с оружием в руках нападать на гражданина же, чтобы отнять у него его собственность. В придачу к труду с войной явился грех; на смену медному племени после краткой передышки возникло железное. Уже не чув-

ствовал себя гражданин безопасным в кругу своих: его собственность возбуждала зависть, против него злоумышлял его согражданин, его родственник, его брат. Тогда и божественная Правда покинула оскверненную земную юдоль и вернулась к богам на небеса.

И мы, мой дорогой Акаст, люди железного века: оттого то у нас всегда сильный обижает слабого. Отчего мы страдаем? Оттого, что Паллантидам понадобился наш скромный надел. Вот мы и стали рабами; ведь и рабство — изобретение железного века. И надолго ли у Зевса хватит терпения взирать на наши грехи — это никому не известно. Но уже ходят среди людей тревожные вещания о страшной каре, которую он нам готовит, совещаясь о ней со своей строгой сопрестольницей, Немезидой Рамнунтской; будет, говорят, такой грех, какого еще мир не видал, и расцветет из него такая война, какой тоже еще мир не видал. И в этой войне наступит конец железному племени и железному веку. Мы, старики, до него уже не доживем; но ты, быть может, доживешь.

Кончив свой рассказ, Иодика наклонилась к своему внуку; по его ровному дыханию она поняла, что он или засыпает или уже заснул. Она встала и, сложив руки над его головой, произнесла свое обычное благословение: «Счастливо тебе покоиться и счастливо увидеть зарю!» Но этот раз она прибавила: «и да призрит твой дух-хранитель на тебя-сироту».

IV

Акаст!

Мальчик открыл глаза — все кругом темно. «Кто зовет?» Никто не отвечал. «Вероятно, приснилось». И он закрыл глаза и тотчас опять заснул.

— Акаст, идем!

Мальчик опять проснулся: «странно, тот же шопот. Эй, откликнись, кто бы ты ни был!» Тишина. Он снова заснул.

— Акаст! Тебя зовет твой дух-хранитель.

Мальчик в третий раз открыл глаза. «Мой дух-хранитель? Покажись, если ты здесь!» Долго не мог он ничего разглядеть; наконец он увидел через дверную щель светящуюся точку. Одевшись, он тихо отворил дверь: рядом со светящейся точкой показалась другая. «Ласка!» — сказал он, смеясь. — «Не бойся, почтенная, не трону тебя: расхищай добро Паллантидов!» — И он уже хотел, разочарованный, вернуться к своей постели. Но ласка и впрямь его не боялась, напротив: смотрела на него и несколько раз указывала мордочкой к выходу. «А что», — подумал он, — «если это он ее прислал? Итти с тобой, что ли?» — сказал он шопотом. Умный зверек опять усиленно стал поворачивать головку к выходу. Тогда Акаст решительно пошел за ним.

Незаметно он вышел из дому; ласка его уже дожидалась на площадке перед домом и побежала по тропинке, ведущей к Лаврию. Ночь была звездная, но безлунная; все же Акаст так хорошо знал местность,

что мог быстро следовать за своим маленьким проводником. Дело осложнилось, когда они подошли к Лаврию — точнее, к одной из его многочисленных сопок, называемой Фенолой. Тропинка вела мимо нее на соединение с сунийской дорогой; но ласке, повидимому, было угодно исцарапать его о колючие заросли, ограждавшие подножие сопки. Акаст мужественно прорвался через шипы и тернии, хотя это и стоило ему нескольких лоскутков его хитона; но

когда он добился цели, ласка исчезла, и он был один между обеими стенами — изгородью кустов и кряжем Фенолы.

Пробираясь осторожно вдоль последняго, он внезапно вместо ожидаемого двойного света увидел другой, простой, но яркий и багровый; он таился где то глубоко в самой горе. Акаст просунул голову — багровый свет сверкал из за роговых стенок фонаря, а фонарь находился в руке маленького человечка с длинной бородой, в коротком сером плаще с колпаком. «Наконец-то пожаловал, Акаст!» — ласково сказал он мальчику. — «Не узнаешь меня? Я незримо

всегда с тобой, но видеть меня ты можешь только здесь, в моей стихии».

— Узнаю. Ты — мой дух-хранитель.

— Да, мой милый, я не раз спасал тебя и раньше — спасу и теперь и не выдам этим душегубам. Но для этого ты должен на время проститься с миром живых и стать гостем нашим и нашей доброй матери-Земли.

— Хранитель мой, а что же будет с моими дедами? Без них мне и жизнь не в жизнь.

— Не бойся за них: их ведь не продают на чужбину. А те душегубы даже и не подозревают, как близко над ними нависла гроза. Деды твои выживут; но тебе ждать нельзя. Увезут, продадут — как тебе вернуться домой? Нет, побудь ты с нами. Раскаиваться не будешь; увидишь такие чудеса. каких даже в сказках твоей бабушки не бывает.

Акаст все еще стоял перед стеной Фенолы и недоумевал: добро бы пещера, а то какая то дыра; как через нее протиснуться? Но человечек быстро разрешил его сомнения: он протянул ему обе руки, дернул — и Акаст вмиг очутился рядом с ним. Положительно, сила великана таилась в мышцах этого карлика. Но это было не все; прикосновение хранителя наполнило и самого Акаста такой силой, бодростью и отвагой, что он сам себя не узнавал. Всю робость точно рукой сняло; теперь он уже и сам сгорал нетерпением познать тайны подземного мира, испытать гостеприимство его приветливых обитателей, увидеть чудеса доброй матери-Земли.

V

Карлик дал Акасту другой фонарь, такой же, как и его собственный, и велел ему следовать за ним. Еще раньше, когда он его протискивал через дыру, на мальчика пахнуло пронзительным холодом; теперь по мере того, как они шли дальше, холод все усиливался и усиливался.

Впрочем, слово «шли» тут употреблено невпопад: проход был так тесен, низок и неровен, что они не столько шли, сколько ползли, карабкались и проваливались. «Хорошо, что я только подросток,» — думал Акаст, — «взрослому бы здесь и вовсе не пролезть. Было не только холодно, но и влажно и грязно; хитон мальчика, уже пострадавший от колючек Фенолы, скоро превратился в такую гадость, что и смотреть было противно; а дома другого не было. И чем дальше, тем холоднее и грязнее становилось; несмотря на всю его веру, мальчик чувствовал подступ какого то разочарования. Это ли чудеса матери-Земли?

Карлик как будто читал в его мыслях «Не унывай, Акаст» — сказал он ему, «путь к вечной весне лежит через царство зимы. А хитон ты получишь у нас новый, и притом такой, что бабушка Иодика только руками всплеснет. Иди смело и не теряй веры.»

Все холоднее и холоднее. Вдруг проход стал как будто ровнее, шире и выше; еще несколько шагов — и они очутились в огромном гроте. Акаст даже глаза закрыл — так его ослепили сверкавшие повсюду разноцветные огни. Все стены были покрыты каким то

мхом блестящих, пушистых кристаллов; он оторвал ближайшую гроздь — и убедился, что это был снег. Но здесь этот снег образовал целые стены, своды, колонны, кусты, деревья; он свешивался с потолка прихотливыми ветками и гирляндами, и повсюду отражался и преломлялся маленькими радугами яркий багровый свет их фонарей. Акаст вскрикнул от удивления — грот точно дрогнул от его крика, большая снеговая ветвь упала к его ногам и рассыпалась белыми иголками.

— Молчи, не нарушай тишины, — шепнул ему карлик. — С тех пор, как земля стоит, никакой звук не оглашал этих сводов, не тревожил глубокого сна застывшей природы. Посмотри кругом себя: ты еще не все видел.

Акаст поднял свой фонарь, стараясь побороть его лучами таинственный полумрак скрытого за белыми столбами пространства. Мало по малу он разглядел противоположную стену. Ему показалось, что это водопад: совершенно ясно видны были разбушевавшиеся волны, точно по трем ступеням низвергавшиеся в безну. Только шума не было слышно, несмотря на близость; и Акаст понял, что и водопад обледенел и застыл подобно всему прочему.

Он стоял, как привороженный: было что то блаженное в этой ледяной тишине. Он чувствовал, что она и его всего проникает, усмиряя все его мысли, желания, заботы. Не хотелось покидать этой обители безмолвия и безстрастия. — «Идем!» — шепнул ему карлик. Он его не слышал; родник слуха застыл в нем так же, как и этот водопад. Да где он, этот водопад? Акаст его более не видел. Он видел только ближайшее, да и то в каком то белом тумане. Будь он один, он и не тронулся бы с места, сам бы застыл и покрылся бы пушистым мхом кристаллов, как один из этих столбов вокруг него.

Но карлик к нему решительно подошел. «Знаю вас, чары зимы», сказал он тихо, но властно; «стряхни их, питомец, и за мной!» — Он потянул его за руку — сопротивляться было невозможно. Нехотя пошел за ним Акаст, все оглядываясь, пока последние огоньки волшебного грота не погасли во тьме.

Опять начался томительный спуск по влажным и грязным проходам; Акаст мало по малу пришел в себя. Грязи становилось все меньше и меньше, и в спертом воздухе повеяло теплотой. Вдруг при одном повороте Акаст заметил вдали какое-то бледное сияние. Он указал на него карлику. Тот улыбнулся.

— Это, мой друг, то ваше богатство, о котором вы не знаете и без меня не узнали бы никогда. Погоди, еще не то увидишь.

Сияние приближалось и делалось все ярче и ярче; это была точно белая жила в бурой стене. Издали казалось, что она даже дымится; но нет, это был влажный туман, наполнявший все полости земли и здесь только заметный.

— Ну, Акаст, что скажешь? — спросил карлик, когда они подошли вплотную к светящейся жиле. — Коснись ее смело рукой, она не жжет.

— Серебро! — воскликнул мальчик — Литое серебро, как в храме Афины-Палленицы!

— Да, питомец; только все сокровища Палленицы, не во гнев ей блаженной будь сказано — это капля в море в сравнении с этой роскошью. — Погоди, отдохнем; ты, я думаю, и не заметил, что мы с тобой второй день в пути. Отдохнем и заодно закусим; хотя я и вдохнул в тебя чудесную силу, однако, всему есть предел, и подкрепиться полезно.

— О да! Кабы кусок хлеба и глоток вина, было бы совсем хорошо.

— Ни того, ни другого дать не могу; мы берем дары матери-Земли прямо из ее рук. Но вот тебе

получше — яблоки, как их растила святая до преступления Протанора.

С этими словами он вынул из своей котомки три румяных яблока и дал их Акасту. От одного их запаха захватило дыхание у мальчика; когда же он их отведал — его кровь заиграла, как весенний родник нагорной поляны.

— Боги! — сказал он восхищенно — да это не яблоки ли Гесперид у тебя находились в котомке?

— Совсем такие же, мой сын. Ты должен знать, что рай Гесперид — это просто уголок золотого царства за пределами Атланта, оставленный там Матерью потому, что он все равно недоступен для потомков Протанора. А теперь поговорим об этом пласте серебра. С чем бы ты его сравнил?

— С жилой на моей руке.

— Не дурно. А еще лучше будет, если ты скажешь, с древесной веткой. Ты действительно имеешь перед собой одну из многих ветвей подземного лаврийского дуба.

VI

Дкаст с удивлением посмотрел на своего маленького учителя.

— Лаврийского дуба? А я думал, что Лаврий — это гора, а не дерево.

— Он и то, и другое, мой милый. Скажи мне, ты видел когда нибудь затопленный дуб в половодье?

— Никогда.

— Конечно, не мог; для этого тебе надо было жить при царе Огиге. Но ты можешь себе представить: все поле залито водой, и дуб только на сажень из нее выдается. Какой будет вид его вершины?

— Дюжина зеленых бугров, в середине повыше, к краям все ниже и ниже.

— Верно. Так вот таков же и ваш Лаврий с его сопками различной вышины. И как там из за зелени не видно ветвей дуба, так и здесь их не видно из за известняка, сланца и других пород. Но все же они есть, и здесь перед тобой — главная серебряная ветвь Фенолы.

— А где же ствол?

— До него мы живо доберемся. Следуй за мной. Но сначала потушим фонари; здесь и без них светло.

Пробираясь дальше вдоль серебряной ветви, они вскоре дошли до того места, где между ней и верхними пластами виднелся промежуток, постепенно увеличивающийся. Карлик подставил свои плечи. «Взберись на верх и держись там за нависший пласт, чтобы не поскользнуться на гладком серебре.» Не-

много спустя они оба были на ветви, довольно круто спускающейся куда-то далеко, в озаренную белым сиянием пропасть. «А теперь, Акаст, не робей: садись так, как сижу я, упираясь ногами мне в поясницу. Мы поедем каждый на своей паре, как на по-

лозьях. Захочешь замедлить ход — откинься телом назад. Только без нужды не замедляй: увидишь, это очень весело».

И они поехали. Вначале Акаст повизгивал от страха, столь головокружительной показалась ему быстрота; но скоро он к ней привык и только смеялся своим звонким детским смехом.

Спустя некоторое время в отдалении показалось новое сияние, сначала бледное, затем все ярче и ярче. «Это — ствол!» — крикнул карлик Акасту. — «Теперь я сам советую тебе замедлишь ход».

Акаст откинулся телом так, что его волосы почти коснулись поверхности серебряного сука; медленно и

плавно они продолжали путь и вскоре очутились там, где их сук отделялся от ствола лаврийского дуба.

— Этот блеск — сказал Акаст вставая — начинает мне слепить глаза. Там на верху он был так бледен, как свет новой луны; чем ниже мы спускаемся, тем ярче он горит. Отчего это? Я видел много серебра в храме Паллениды; но оно сверкало только днем и гасло в сумерки. А это своим светом светит. Откуда у него эта сила?

Карлик улыбнулся.

— Особый закон есть, до которого ваши умники еще не скоро додумаются. И поэтому не советую тебе на земле рассказывать о своем приключении: не поверят и только зря лгуном ославят. Я мог бы тебе сказать, что это — последствие растущего давления; да что толку? И ты не поймешь, и вся Беса не поймет, и даже сам Дедал не поймет, хотя он и стар, и мудр, и еще недавно, вернув себе милость Паллады, изобрел крылья для человека.

— Об этих крыльях ты вспомнил кстати, — сказал Акаст, озабоченно смотря вниз, где ствол дуба терялся в какой-то огненной бездне. — Без них я не вижу, как нам спуститься.

— Верю, что не видишь; да и я еще не вижу. Но ведь ты знаешь: мы на дереве сидим; а где деревья, там и птицы.

— Благо им! Но нам какая от них польза? Меня никакая птица не поднимет, будь это даже коршун-ягнятник, который некогда, рассказывают, спас на своих крыльях нашего маленького царевича.

— По дереву и птица. Сейчас увидишь сам, только не пугайся.

Он гикнул три раза. Вскоре послышался тяжелый шум исполинских крыльев, и в то же время в белое сияние ворвался сноп золотистых и багровых лучей. Еще немного — и на сук спустилась огромная

птица с золотым оперением и крыльями из яркой порфиры.

— Спасибо, Феникс, что не заставил ждать. А теперь, почтенный, подставь-ка свою могучую спину, чтобы мы могли на нее взобраться, и перенеси нас к самому берегу Лаврийского озера.

Феникс стал подходить к Акасту, который смотрел на него с чувством, смешанным из восхищения и страха. Он заметил при этом, что когти птицы-великана вонзались в жесткое серебро, точно в тесто.

— Ну, Акаст, теперь на коня. Садись верхом Фениксу на плечи и держись за его шею, а я прилягу за тобой.

Сказано, сделано. Феникс взмахнул несколько раз и повис в воздухе. Затем он расправил крылья и, наклонившись немного грудью вперед, стал тихо и плавно спускаться в огненную бездну, описывая в то же время широкие круги вокруг дуба. Жутко стало Акасту, и для него было большим облегчением, что маленькая, но железная рука карлика не выпускала его пояса. Чем ниже они спускались, тем шире становились круги; наконец Феникс взял прямое направление и полетел над зелеными верхушками настоящего леса. Весь страх у Акаста прошел: он с любопытством рассматривал незнакомые деревья и любовался на их плоды, сверкавшие среди листвы.

Чем дальше, тем темнее становилось; под конец их окружила ночь, и только издали бледно сиял тонкий столб серебряного дуба. Вскоре цель была достигнута: они сошли.

VII

Перед ними расстилалась широкая гладь мрачного, недвижимого озера; если-бы карлик не назвал его ясно «Лаврийским», его питомец принял бы его за то Ахерусийское в царстве мертвых, о котором ему рассказывал дед. Но мрачным было только оно само; по ту сторону виднелось зарево, точно от пожара.

— Это наш город,— пояснил карлик.— Собственно Феникс мог бы нас туда перенести, но я хотел порадовать тебя разнообразием. Так что же, питомец — пустимся вплавь? Помолимся Океанидам, да в воду?

Акаст грустно покачал головой: «Я плавать не умею».

Карлик притворился смущенным.

— Ах, ты грех! И подлинно, где тебе было научиться этому благородному искусству среди лаврийских сопок, с которых даже и не видно моря. Ну что же, придется прибегнуть к другому дару Посидона, к верховой езде.

Он гикнул. Вскоре поверхность озера зазыбилась, и в береговой песок уткнулись безобразные, но приветливые морды двух чудищ — не то дельфинов, не то моржей.

— Ну, питомец, гоп-гоп! Когда свалишься, кликни меня!

Акаст осторожно опустил ногу в воду и тотчас отдернул ее обратно. Все на том месте вдруг заискрилось; хотя вода была только теплая, но ему показалось, что он опустил ногу в жидкий огонь.

— Что, обжегся? — поддразнил его карлик. — Не пугайся, тут даже особенного чуда нет, это и у вас бывает в летние ночи. Только у нас ярче.

— От давления? — насмешливо спросил Акаст.

— Именно от давления. Не ломай головы, все равно не поймешь; садись на своего рысака, только сначала подбери свой хитон, или то, что от него осталось. Да, и вот что. Что бы ни случилось — держись за почтенного Гиппокампа (так его величают) и руками и ногами; даже если бы он надумал нырнуть, не выпускай. Иначе плохо будет.

Поехали. Акасту опять стало очень весело. Всюду, где Гиппокамп рассекал сонную гладь, появлялись мириады маленьких огоньков. Сплошь и рядом к ним поднимались рыбы различных величин, о золотой, серебряной, багровой или сапфировой чешуе; чешуя светилась, и при этом свете Акаст мог разглядеть, как прозрачна была эта вода. Еще более его радовали огненные шары, пролетавшие иногда над озером, большею частью высоко, но иногда и совсем низко. Один направился прямо на него, и он был не прочь его поймать. Но карлик громко крикнул «берегись!», и Гиппокамп внезапно нырнул. Уже в воде Акаст услышал оглушительный треск. «Что это было?» спросил он, когда они вынурнули.

— Нечто в роде ваших молний, мой милый. И притом тоже от давления — отсюда ты видишь, что дальше спрашивать бесполезно. Нам эта диковина не вредит; ударившись о мою голову, она лопнула, как хлопушка. Но тебя она бы разнесла, как вакханки Пенфея.

Тем временем зарево становилось все явственнее — и теперь Акаст уже различал, что оно исходило от несметного количества горящих восковых свечек. Гиппокамп прибавил скорости, и немного спустя оба всадника высадились в гавани подземного города.

— Что это за свечки? — спросил мальчик.

— Ах ты, ненасытный! Ты бы меня лучше спросил, сколько дней мы с тобой путешествуем.

— Ну?

— Пять, и столько же ночей. Если бы не мои яблоки — ты бы давно изнемог Но есть предел и их силе; а так как мы дома, то не грешно и соснуть.

— Дома? Я здесь никаких домов не вижу.

— Это я только так, по ватему сказал. На что нам дома, когда здесь ни дождей, ни холодов не бывает? Я живу здесь, в этой куще из папоротников; это — защита от света. Сплю на этом пуховике; для тебя заказал у братьев другой, побольше; и как видишь, заказ уже исполнен. Итак, приятного отдыха! А остальные чудеса, когда проснешься.

Акаст с наслаждением последовал его совету. Тотчас сладкая нега разлилась по его телу, и он заснул крепким сном.

VIII

Когда он проснулся, он увидел в полумраке карлика, сидящего у его изголовия.

— Здравствуй, хранитель! Кажется, еще рано; я, видно, недолго спал.

— Пять дней и пять ночей, считая по вашему. Но этот счет ты лучше оставь: здесь времени нет... Кстати: не угодно ли надеть новый хитон взамен прежних лохмотьев.

Новый хитон был «мягок как сон» и легок как воздух; всмотревшись внимательно, насколько это позволял полумрак, в его ткань, Акаст убедился, что он был из нежного птичьего пуха.

— Ну, вижу, — сказал он — Паллада к вам также милостива, как и прочие боги. Но вижу тоже, что бабушка Иодика была неправа, говоря, что люди золотого века не знали труда. Таких мастериц у самого царя Палланта не найдется.

— Нет, мой родной, Иодика говорила дело. Есть у нас особая порода очень красивых птиц; мы зовем их ткачами. И твой хитон — их работа... если можно назвать работой то, что они сами считают веселой забавой.

— Я их увижу?

— Увидишь: пойдем.

Феникс их уже ждал. Они сели на него — и он понес их над озером, над полем к опушке леса — того самого, на который Акаст уже любовался с высоты,

во время своего первого полета. Чем дальше, тем ярче сверкал огненный столб серебряного дуба, тем светлее становилось кругом: в лесу было как на земле в летний солнечный день.

Для Акаста один восторг сменялся другим. Все деревья были отягчены плодами, отчасти знакомыми, но больше невиданными и неслыханными; вначале он воздерживался от последних, опасаясь, как бы они не оказались ядовитыми; но карлик его успокоил заявлением, что в золотом царстве ни ядовитых, ни бесполезных плодов не бывает, как не бывает ни гнева, ни безучастности матери-Земли.

— Матери-Земли! — воскликнул Акаст. — Мы ведь теперь у нее в гостях: увижу ли я ее, свою ласковую хозяйку?

— Увидишь, — ответил карлик, — но не раньше, чем она сама пожелает.

Началось раздолье. Плоды, плоды и плоды, и один красивее и вкуснее другого; мед в дуплах деревьев, душистый и сочный — причем пчелы, большие и умные, не только не противились желаниям мальчика, но даже, казалось, приглашали его своим приветливым жужжанием: игры с лесными зверями, ланями или пантерами, не говоря о невиданных; все они ластились к мальчику и как будто оспаривали его друг у друга. Птицы в зеленой листве, рыбки в прозрачных родниках — всего не перечесть. После забав они улетали обратно, Акаст ложился спать — и проснувшись, на вопрос карлика, куда теперь, неизменно отвечал: «в лес».

Но все же раз он как бы тоску почувствовал. «Там на земле» сказал он, «сколько раз без меня справляли хореи в честь Диониса! Хотелось бы и самому очиститься священной пляской; а то, право, живешь в радости, а всетаки на подобие скотины, не знающей богов.

— Ты прав, — ответил карлик — и я рад твоему настроению. Заметил ты, что у нас соответствует вашим наземным сменам дня и ночи? Здесь, где мы спим, вечная безлунная ночь; по ту сторону озера, на лугу — ночь лунная; в лесу — солнечный день. А дальше — тайна.

— На луг! — крикнул он Фениксу. Чудесная птица снизила свой полет. Акаст стал различать множество светящихся точек. «Факелы!» воскликнул он «факелы Диониса! Совсем как на верхних полянах Пентеликона в триетериды благословенного бога».

— Можешь, если хочешь называть их факелами. Но ты должен помнить, что у нас огня, пожирающего свою пищу, не бывает: мы к преступлению Протанора не причастны.

Они спустились. Тотчас их окружила толпа карликов и карлиц. Те были совсем, как дух-хранитель

Акаста; эти, хотя и небольшого роста, но молодые и очень красивые, на земле он бы принял их за девочек-ровесниц. Ему дали факел — и тут только он заметил, что это был собственно тирс с серебряной шишкой, которая сияла ярко, но не горела. А кругом была действительно лунная ночь — далекий столб серебряного дуба светил, точно серп молодой луны.

Началась хорея — долгая, блаженная. Акаст не чувствовал утомления: свет серебряного пламени, отражаясь в очах смеющихся плясуний, наполнял его сердце чаянием невыразимого счастья. Он даже пожалел, когда его дух-хранитель взял его за руку и напомнил о возвращении.

— Уже? — жалобно ответил он ему.

— Пока, да; но не тужи — мы не раз еще сюда вернемся.

Отныне светозарная поляна стала чередоваться в жизни Акаста с волшебным лесом, и он испытывал такую полноту радости, что, казалось, уже не оставалось места для желаний. Он совсем забыл о том, чего ему первым делом захотелось, когда Феникс перенес его через озеро в сонный город золотого племени — о белом зареве за папоротниками и о тайне восковых свечек. И когда ему карлик напомнил о них — он лишь нехотя согласился прервать третьим переживанием радостную вереницу восторгов в волшебном лесу и на светозарной поляне

Феникс этот раз был отпущен.

IX

Они пробирались между кущами исполинского папоротника, пока не вышли на открытую, необозримую поляну, всю залитую светом бесчисленных горящих свечек.

— Хранитель! — воскликнул Акаст — да ведь это настоящий земной огонь, пожирающий свою пищу. А ты говорил, что вы такого не знаете.

— Да, ты прав, — ответил карлик, — и все-таки неправ: огонь это настоящий, но только ваш, а не наш.

Мальчик недоумевающе посмотрел на него.

— Эти огни, — назидательно продолжал карлик — двойники ваших душ. Всякий раз, когда на земле рождается несчастный смертный, здесь вспыхивает его свеча; всякий раз, когда он умирает, она гаснет. Взберись на ствол этого высокого папоротника и посмотри на этот край поляны; чем она представится тебе по своим очертаниям?

Мальчик исполнил требуемое. «Боги!» воскликнул он. «Совсем, как наша Аттика, когда на нее смотреть с вершины Пентеликона. А там — Евбея... Андрос...

— А дальше — вся Эллада, — заключил карлик. — Ну, слезай; пройдем прямо в Бесу.

— Вот, — сказал он, — твоя свеча: длинная, прямая, белая, горит тихим, ровным светом. Поздравляю, мой питомец: ты будешь счастлив, поскольку таковым может быть человек.

— А мой дед?

Карлик показал ему два огарка, довольно, впрочем длинных и совершенно одинаковых. И они горели. ровным, тихим светом.

— Этот свет — пояснил карлик — сильно мерцал, когда ты исчез. Но дух-хранитель Иодики посетил ее во сне и сказал ей, что ты жив и в безопасности — тогда они успокоились.

— А эта багровая — спросил Акаст — догорающая в беспокойном шипящем пылании? Чья она?

— Я и сам удивлен, — ответил карлик; — это свеча Полифонта. Еще недавно она была довольно длинной и горела, хотя и неровным, но ярким блеском. А теперь вдруг опала... И смотри, тоже самое и со всеми другими багровыми свечами, в Анафлисте, в Форике, по всей Месогии. Наступает конец царству Паллантидов. Сами они, видно, сверх Миры сократили свои жизни.

— Ты должен знать, — продолжал он — что сама Мира при рождении человека незримо ставит ему его свечу, кому длинную, кому короткую; и не в его власти удлинить ее; эта длина — рок. Но он может в каждую минуту своей жизни ее сократить или пресечь своей неразумной или преступной волей. Тогда его свеча мгновенно опускается в землю настолько, насколько он «сверх Миры», сократил свою жизнь. И наконец, бывают непредвиденные, грозные случайности. Помнишь, как тебя недавно едва не убило деревом? Тогда твой свет, раньше ровный, мгновенно затрепетал, замерцал — я это заметил и отвел грозивший тебе удар. Итак, рок, воля, случайность — вот из чего слагается ваша жизнь.

— И я догадываюсь, — все продолжал он — кто свершит кару над Паллантидами. Пройдем прямо в Афины.

— Смотри. Эта багровая свеча — это царь Эгей; уже не долго осталось ей пылать. Но рядом с ней

ты видишь другую, тоже багровую, длинную, сияющую ярким, царственным блеском — это его сын, царевич Фесей.

— Его сын? Я не знал, что у него сын: мы все считали его бездетным.

— Он и сам, несчастный, этого не знал. Послушай, как было дело. Эгей был еще молод, но женат давно, и детей не имел. Отправился в Дельфы: как, мол, мне поступить, чтобы иметь сына? Бог дал ему вещание полное тайной благодати, но для него непонятное; все же в нем было сказано, чтобы он отправился назад в Афины. Если бы он послушался бога, вернулся бы на родину, к жене — бог благословил бы его рождением наследника, и этот наследник рос бы при нем, как опора его державы. Но он хотел разгадать тайну вещания и, зная о мудрости царя Питфея в Трезене, отправился к нему. Питфей не оправдал его ожиданий; зато ему приглянулись карие глаза царевны Этры, и они встретились под олеандрами трезенского потока. Прощаясь с ней, он сдвинул своей богатырской силой прибрежную скалу и, положив в ее гнездо свой меч, надвинул ее обратно: «если у тебя родится сын, жди, пока он не добудет моего меча из под этой скалы, и тогда отправь его ко мне».

— После этого он вернулся в Афины. Об Этре он ничего более не слышал, кроме того, что она замуж не шла. Сам он много жен менял, но детей не имел — Афродита не давала. Под конец, уже в старости, он подчинился власти волшебницы Медеи и сделал ее своей царицей. В государственных делах ему тоже не везло: он стал данником критского царя и обязался платить ему неслыханную в Элладе дань — по семи отроков и отроковиц на съедение критскому чудовищу Минотавру.

— И вот однажды к его трапезе является прекрасный, могучий юноша. Медея сразу сообразила, кто

это был; она уговорила слабоумного царя угостить его отравленной ею чашей вина. По эллинскому обычаю юноша, прежде чем принять чашу из рук хозяина, отстегнул свой меч и положил его на стол, перед очи царя. Мгновенно царь узнал свой заветный меч, который он некогда оставил трезенской царевне в счастливую пору своей молодой любви. Он во время вышиб из рук юноши отравленную чашу; Медея бежала, и Эгей обнял своего богоданного сына, витязя Фесея.

— И божье благословение не замедлило сказаться: фесей сам велел зачислить себя в седьмицу юношей и поплыл на Крит сразиться с чудовищем. И конечно, он будет счастлив — ты видишь его свечу. Но Паллантиды, узнав о новоявленном сыне Эгея, поняли, что им не получить его жребья иначе, чем перешагнув через его труп. И своей злой, неразумной волей они сверх Миры навлекут гибель на себя.

— Это будет скоро; и что нам тогда делать, Акаст? Хочешь остаться здесь, в золотом царстве — или вернешься к дедам, делить их тяжелый труд?

Акаст грустно опустил голову. «Я хотел бы остаться у тебя, мой хранитель», сказал он; «но мой долг велит мне вернуться к родителям моего отца и облегчить их обузу в их безотрадной старости».

Карлик пожал ему руку.

— Ты решил правильно, мой питомец. И я уверен, теперь, после такого благородного решения, наша мать-Земля сама пожелает тебя увидеть и благословить.

Однажды Акаст, проснувшись и, по обыкновению, увидев карлика сидящим у его изголовия, заметил на его лице особенно торжественное и радостное настроение.

— Куда мы сегодня?

— К Ней. Она сама так приказала.

— А где живет она?

— Ее терем — в нижней полости серебряного дуба. Снаружи он жжет, как солнце, и если бы ты от себя вздумал к нему подойти, ты бы ослеп еще раньше, чем коснулся его порога. Но раз Она этого хочет — ты пройдешь невредимым; нет чар сильнее Ее воли.

X

Феникс был уже тут. Они сели.

— К Матери! — сказал ему карлик.

Феникс поднял голову и радостно запел. Вздрогнул Акаст от силы его голоса — он никогда его раньше не слышал и считал своего испытанного товарища немым. Скоро, однако, его испуг перешел в восхищение: песнь Феникса лилась и лилась, как бы затопляя своими волнами все пространство. И много раз позднее с тоской вспоминал Акаст об этой песни: ничто с ней сравниться не могло.

Вынырнули из волн рыбы и Гиппокампы озера, выползли ящерицы и змейки луга, взлетели птицы волшебного леса — все с удивлением смотрели на счастливца, удостоенного высокой милости Матери. А Феникс летел так быстро, как еще никогда. Вот уже за ними остался лес, и Акаст, при всей своей охоте познать тайны залесного мира, должен был закрыть глаза: уж очень слепил его блеск серебряного дуба. Он открыл их только тогда, когда яркая заря сменилась внезапным мраком.

— Мы в терему Земли! — шепнул ему карлик, все время державший его за руку с тех пор, как они спустились на твердую почву.

Он оглянулся и увидел высокий, круглый зал, полость исполинского дуба, как он тотчас сообразил. Весь он был облицован огромными кристаллами аметиста: лучи серебра, преломляясь в них, заливали

его темным фиолетовым светом. Из того же аметиста состояли и стрельчатые своды, становившиеся все выше и выше от краев к середине; самый средний терялся в недостижимой для взора высоте. Глубокую тишину нарушал только мерный шум водопада, прорывавшегося из расселины коры и низвергавшегося тут же в аметистовую бездну.

Тут же рядом стоял и престол Матери — престол из черного мрамора, украшенного рубинами и устланного золотистым руном; и на нем Акаст с сердечным трепетом увидел Ее. Она сидела неподвижно, откинув тело и голову и устремив взор к своду; складчатый хитон аметистового цвета ласкал ее величавое тело, и такого же цвета покров сдерживал роскошные волны ее черных волос.

— Спит она? — шопотом спросил он своего проводника. — Но глаза у нее, кажется, открыты.

— Она не спит, а грезит, — шепнул тот ему в ответ. — Но ее грезы претворяются в образы, а образы воплощаются в существа и явления. Все мы — и я, и ты — были когда то грезами матери-Земли. И не только мы, говорят, но и боги бессмертные, а с ними и Зевс Олимпийский. Но так ли это — не знаю.

Вдруг Мать глубоко вздохнула, и Акаст невольно вздрогнул. Он еще сильнее вздрогнул и в ужасе прижался к своему хранителю, когда через шум водопада послышался ее голос, исходивший, казалось, из самых глубоких недр ее стихии.

— Тяжело мне... Давят... О царь олимпийский, о дева рамнунтская, помогите!

— Ты говорил, она добрая? — шепнул Акаст. — А смотри, какое у нее строгое лицо! И слова ее, как будто, зловещи. Я не осмелюсь к ней подойти.

— Ты подойдешь к ней не раньше, чем она сама тебя позовет. Она добрая, повторяю тебе, и бы-

ваем строга только тогда, когда думаем о ваших грехах. Они то, видно, вызывают ее грезы, которые не замедлят претвориться в образы... Смотри, смотри!

Под одним из стрельчатых сводов стал собираться розовый туман. Он становился все гуще и гуще и в то же время ярче и ярче, точно утренняя заря на вершине горы... вот-вот, казалось, выглянет солнце, И оно действительно выглянуло: в розовом тумане показался лик и образ женщины такой ослепительной красоты, что Акаст опустил глаза и вторично прижался к своему хранителю.

— Мне страшно! — шепнул он ему. — Она еще прекраснее самой Матери.

— Не кощунствуй! — строго ответил тот. — Она не более как ее эфирное создание, ее греза.

— А как ее величают?

— Никак. Я же тебе говорю — она греза Матери, еще не воплощенная. И не дай тебе бог дожить до времени, когда она воплотится на гибель смертным: много свечек тогда погаснет на поляне жизней. Но когда это случится — ее нарекут Еленой.

— Еленой? — задумчиво повторил Акаст. — Никогда не слыхал такого имени. И мне кажется, нет пленительнее его.

— Ни ее имени, ни ее самой, — подтвердил карлик. — Да, ты прав: она вся — плен. «Плен мужу, плен кораблю, плен граду», как скажет про нее величайший из ваших поэтов.

Акаст поднял глаза. Дивная женщина-греза была явственно видна, точно живая; она смотрела на Акаста своими томными голубыми глазами, как бы озолоченными отблеском ее ясных кудрей. И Акаст чувствовал, что его воля тает в этих жгучих лучах. Не помня себя, он оторвался от своего хранителя и направился к призраку.

Внезапно быстрое движение Матери остановило его. Призрак поднялся и исчез в аметистовом поднебесье среднего свода.

— Акаст!

Это Она его зовет! Он подошел и бросился на колени перед Ней.

— Вижу,—сказала она с грустной улыбкой,—что моя греза мне удалась. Но я не хочу, чтобы ты был ее первой жертвой.

Она положила ему свою руку на голову. Живительная прохлада ее прикосновения мгновенно подействовала на него.

— Твой дух-хранитель говорил мне про тебя—и говорил одно хорошее. Но лучшим из хорошего было твое решение вернуться к тем, которые воспитали тебя. Благословляю тебя на долгую и счастливую жизнь. Придет время, тебе достанется невеста, достойная тебя—не спрашивай, кто она. Она еще не родилась. Это не Елена, но тебе будет лучше с нею. И твои деды доживут до этого счастья и до первого правнука, которого она им подарит.

— Ты ее тоже уже грезила, добрая Мать?

Она улыбнулась.

— Ты очень смел, мой мальчик, но да будет тебе на пользу то, чшо ты назвал меня доброй. Смотри!

Опять сгустился розовый туман, и скоро из него вынырнул образ миловидной, румяной крестьяночки о карих глазах и волосах. Увидев Акаста, она весело засмеялась и приветливо протянула ему руку. Но прежде чем он успел последовать ее приглашению, она поднялась на воздух и исчезла в голубом сиянии среднего свода.

Акаст припал к руке Матери и стал покрывать ее поцелуями.

— Ты был моим гостем,—сказала она ему—и имеешь по эллинскому закону право на гостинец.

Твой дух-хранитель передаст тебе его при расставании, а ты сам рассудишь, кому его дать. Прощай

Она подняла его и поцеловала в лоб. Акаст стоял, как в оцепенении, вне себя от счастья и гордости —

и вероятно, простоял бы еще долго, если бы его хранитель не догадался схватить его за руку и вывести из терема Земли.

— Ну, питомец,— стал он его журить, когда они ехали обратно,— и нагнал же ты на меня страху! Такой смелости я, пока жив, не запомню.

Но Акаст не слышал его слов: он чувствовал только поцелуй Матери на своем челе.

XI

Вот настал день разлуки.

— Свершилось! — сказал Акасту карлик, — погасла свеча царя Эгея, но погасли и свечи всех Паллантидов и среди них — та, что была двойником твоего гонителя Полифонта. Будут помнить сыны Аттики славную битву при Паллене и победу царя-витязя Ѳесея! Теперь никто не мешает тебе вернуться в твой освобожденный дом.

— Феникс, сослужи нам последнюю службу!

Чудесная птица была уже там.

— Мы вернемся, разумеется, по другому пути — взобраться по ветви Фенолы ты не можешь. Феникс поднимет нас вдоль ствола под самую почти вершину Коссифиды; оттуда в долину Бесы будет уже не подъем, а спуск.

Так оно и случилось. Чем выше они поднимались, тем более тускнел серебряный ствол; под конец он покрылся, точно мхом, наростами бурого известняка и стал похож на обычные каменные столбы между пещерами. В одной из них Феникс их высадил; кругом был мрак.

— Надо зажечь фонари, сказал карлик. Они, к слову сказать, похищены мною у вас — я в этом приспособлении не нуждаюсь. Ты передашь их угольщику Клеофанту с поклоном от меня и с предостережением, что он потеряет их совсем, если не перестанет бить свою жену. Ну, вот, горят оба; идем.

Они прошли несколько стадиев по низким, но сравнительно удобным проходам. Вдруг карлик остановился.

— Заметь хорошенько эту стену — и, еще лучше, сделай знак на ней. Здесь вы будете добывать серебряную руду, когда ты откроешь своим землякам тайну лаврийских гор.

— Здесь? — разочарованно спросил Акаст. — Здесь и серебра то не видно. А почему не повести мне их прямо к чистой ветви Фенолы?

— Еще бы! Вы, вижу я, не прочь купить весь мир и престол Зевса в придачу. Нет, мой дорогой: того пути ты уже вторично не найдешь. Ты не знаешь, как глубоко он ведет под поверхность не только земли, но и моря. Вы же будете довольствоваться крайними разветвлениями, будете крошить руду мотыками, размывать ее проточной водой и мало по малу добывать зерна чистого серебра. И на этом тебе скажут спасибо. До сих пор вы из чужбины привозили серебро и чеканили его чеканом вашей богини; а отныне «лаврийские совушки» прославят ее и вас по всему эллинскому миру.

И он стал ему рассказывать — много рассказывать о будущей судьбе лаврийских рудников.

— А теперь — в путь! Я с тобой не прощаюсь — останусь при тебе, хотя ты и не будешь меня видеть. В Элевсине, куда ты скоро отправишься, тебе больше про меня расскажут. И когда твой жизненный путь будет пройден — дай бог, чтобы я и дочери Деметры мог поведать про тебя то самое, что теперь поведал матери-Земле.

— Кстати: должен передать тебе ее гостинец; он у меня здесь в котомке.

Перед удивленными глазами Акаста блеснул огромный самородок чистого серебра.

— Ты его понесешь в той же котомке, а ее самое вернешь тому же Клеофанту с тем же предосте-

режением. Теперь всего два-три стадия пути отделяют тебя от поверхности; их ты пройдешь один — заблудиться нельзя.

И он внезапно исчез, оставляя фонари и котомку Акасту.

XII

Граждане Бесы толпились в своем пританее — все, и мужчины, и женщины. Созвал их царь Ѳесей.

— Друзья мои — сказал он им — милостью Паллады мне удалось объединить оба коренных жребия из наследия моего деда Пандиона, и теперь наша общая забота — чтобы они никогда больше не были раз'единены. Не для себя сложил я их, не для того, чтобы самодержавно вами править: власть, которую Паллада вручила мне, я передаю народу Пусть ваши цари попрежнему молятся за вас безсмертным богам, пусть они судят ваши тяжбы и ведут вас в бой, пусть они будут опекунами ваших сирот — но управляться вы будете сами. Отныне вы все — афиняне, все будете собираться на каменном кряже перед скалой богини; каждый, кого возраст остепенил, будет иметь право предлагать народу то, что боги ему внушат — и что народ сочтет лучшим, то и будет законом. Согласны?

Гром благословляющих приветствий покрыл его слова.

— Граждане, — продолжал Фесей — я освободил вашу землю, освободил и тех, которых нечестивые сыновья Палланта из граждан обратили в своих рабов. Но, как это всегда бывает, война разорила нашу родину, опустошила — не царскую отныне, а народную казну. Все должны сложиться, чтобы не пришлось нищенствовать завоеванной свободе. Граж-

дане, согласны вы участвовать в этом народном деле?

Воцарилось молчание. Фесей насупил брови; недовольная усмешка заиграла на его гордом лице.

Выступил вперед старец с длинной, седой бородой.

— Прости, великий царь, и не толкуй нам в обиду нашего молчания. Верь, мы все готовы костьми полечь за тебя и за подаренную нам тобой свободу. Но кроме наших жизней, мы ничего тебе дать не можем. Ты видел нашу землю, наше село? Мы все здесь впроголодь живем между скалистыми сопками Лаврия; во всей Аттике нет села беднее твоей Бесы.

— Нет, дедушка, ты ошибся, — крикнул внезапно молодой голос — и ты, великий царь, не верь ему, хотя он и говорит искренно. Знай, не только во всей Аттике, но и во всей Элладе нет села богаче твоей Бесы!

Фесей удивленно посмотрел на него и затем обвел взором все собрание.

— Кто это говорит?

— Кто говорит? — раздалось в толпе.

— Акаст, сын Полимнеста, афинянин из Бесы, — весело ответил тот же голос.

— Акаст? — Он, значит, жив? — Как он вырос! — Как он похорошел! — загудела толпа. Менедем и Иодика с радостными воплями бросились обнимать внука. «Акаст! Родной мой! Наконец, то, после трех лет! Да где же ты был?»

— Там, где времени нет, мои дорогие. Погодите, все расскажу; а теперь надо ответ держать перед царем.

— Да, великий царь, нет села богаче твоей Бесы; и если надо всем сложиться за свободу, то вот и наша доля.

С этими словами он вынул из своей котомки гостинец матери-Земли. Фесей, хотя и обрадованный, продолжал недоумевать.

— Объясни же ты мне...

— Изволь, царь, что могу, то объясню.

И он стал ему рассказывать, умалчивая, насколько можно было, о чудесном. Недомолвки не скрылись от проницательного ума Фесея.

— Ты многого не договариваешь, мой друг, но я теперь настаивать не буду. В Афинах, за кубком вина, ты мне все расскажешь подробнее: перед гостем матери-Земли хоромы Эрехфея открыты. А теперь, если угодно, кончай о серебре.

— Прикажи, великий царь, половине из нас превратиться из неудачливых земледельцев в рудокопов — и работа у нас закипит. Паллада благословит наш труд, и ее сокровищница на Акрополе не будет пуста. И когда при твоих потомках заморский враг придет громить Афины и Элладу — лаврийское серебро даст им возможность построить корабли и на них отстоять отвоеванную и дарованную тобой свободу!

Фесей молитвенно поднял руку; все последовали его примеру.

— Граждане, — сказал он, — вы слышали пророческое слово? Да будет так! Счастливо Акасту! Счастливо Бесе и Лаврию! Счастливо матери-Земле!

— Счастливо Фесею! — ответили голоса. — Счастливо Афинам! Счастливо матери-Земле!

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. и С. САБАШНИКОВЫХ

В ПЕТЕРБУРГЕ.

Печатаются и готовятся к печати следующие труды Ф. Ф. Зелинского:

ИРЕСИОНА

(АТТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ)

КУБОК ОБИДЫ
ТЕРЕМ ЗАРИ
ЗАКЛЯТЫЙ ДВОР
СОЛОВЬИНЫЕ ПЕСНИ
ДОМ НА ЮРУ
МУДРОСТЬ ДЕДАЛА
ЦАРИЦА ВЬЮГ
ТИРРЕНСКИЙ ПЛЕННИК
КАМЕННАЯ НИВА
ДОЧЬ НЕМЕЗИДЫ

АНТИЧНЫЙ МИР

Том I. ЭЛЛАДА

Часть I — СКАЗОЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ

Часть II — НЕЗАВИСИМАЯ ЭЛЛАДА

Том II. РИМ

Часть I — РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Часть II — ВСЕЛЕНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ЕВРИПИД. Драмы

Том III (Перевод И. Ф. Анненского):

ИФИГЕНИЯ АВЛИДСКАЯ ∘ ИФИГЕНИЯ ТАВРИЧЕСКАЯ
ИОН ∘ КИКЛОП

Том VI. ОТРЫВКИ (Перевод Ф. Ф. Зелинского):

1. ЦИКЛ АРГОНАВТОВ
2. АРГОССКИЙ ЦИКЛ
3. ФИВАНСКИЙ ЦИКЛ
4. ТРОЯНСКИЙ ЦИКЛ
5. АТТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ
6. ИЗ РАЗНЫХ ЦИКЛОВ